

Сергей ЯШИН

ПОСЛЕДНИЙ ГНОЗИС

Перевернутое отображение мира вызвало появление ангелоподобия, серафизма, чего-то невыразимого, что проявляется только в пустынях.

Антонен Арто. Новые проявления бытия.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Обнаженная дева в хрустальной гробнице...
Рядом инок седой... Укрыт власяницей.
Суждено им пройти испытание стужей.
Инок черен совсем. А дева жемчужна.
Их покой берегут только единороги,
Отгоняя от них наважденья тревоги.
И не знает никто, что двоим, этим снится,
Ни монаху седому, ни деве в гробнице.
Не постичь это магу придворному даже.
Не для мага фантомные эти вояжи.
И как долго еще летаргии сей длиться,
И когда задрожат у почивших ресницы.
И когда растворив мировые затворы,
Они выйдут, по праву, верша приговоры.
И тогда никому не сокрыть свои лица...
Это страшно, открытые видеть гробницы.

ГОТИКА

Взойдет Звезда грядущей нашей веры,
Взойдет Звезда великой нашей власти.
Из ниш церковных злобные химеры,
Грозя, оскалят, каменные пасти.

Ласкают слух слова латинской речи,
В лампадах сам зажжется синий пламень.
Алхимик вновь склоняется над печью,
Чтоб превратиться в Философский Камень.

Следят за магами сексоты инквизиций,
Спецслужбы вечные внедрения каналов.
Но в зеркалах не отразятся лица,
Тех, кто ушли в долины зазеркалий.

Лишь в темноте, под грузом ожерелий,
Находят горло ласковые пальцы.
В ретортах кровь – лишь вина для мистерий,
Младенцев жир – лишь мазь для трансформаций.

БЕСТИАРИЙ. СОНЕТ

Причащаются кровью птенцы Пеликана,
Ритуальным вином наших древних мистерий.
И чувствительно сердце как алая рана,
Оно чует, как Кто-то приблизился к двери.

Обезглавленный Принц вышел к нам из тумана,
И в ретортах сгустились чернильные тени.
Вместе с Принцем пришли под рыданье паваны,
Со страниц Бестиария странные звери.

Василиски, ехидны, кенокефалы,
Прошумели в урочищах арок старинных
И неспешно вошли в задремавшие залы.

Там кентавры уже подносили бокалы,
Наполняя их млеком голубок невинных
Или соком плодов, что пугающе алы.

МАРКИЗ КАРАБАС. СОНЕТ

Лицо маркиза стало скорбной маской,
Когда на сон грядущий Шарль Перро
Над ним склонясь, ему поведал сказку
Про ушлого Кота, носящего сабо.

Фонтан иссяк, и стихла бергамаска,
И яд вдруг кто-то уронил в вино.
Все стало пусто так и так мертво,
В садах любовники тотчас прервали ласку.

Стал мышью людоед. Сейчас не до него.
Принцесса спит. Как будто из фаянса
Ее четы. Становится темно.

О, как мне жаль маркиза Карабаса!
Он слышит, как стучат тревожней час от часа
По плитам мраморным деревянные сабо.

ВСКРЫТИЕ

Холодные плиты небесного морга,
В хрустальных ретортах настой формалина.
Ланцетами крыльев архангелы Бога
Вскрывают холодную плоть Андрогина.

Их лики кривятся гримасой сомнений,
Им веровать слепо как будто бы мало.
Когда вместо сердца, открыв средостенье,
Они ледяные находят кристаллы.

И в Ужасе Древнем архангелы Бога
Бегут, опрокинув раствор формалина.
Их дразнит бессмертьем под сводами морга
Раскатистым хохотом, смех Андрогина.

ДИГГЕРЫ. СОНЕТ

Мы только диггеры в глухих подвалах страха.
Путь вверх нам закрыт. Мы выбираем низ.
Под сводом труб мы слышим рокот Баха;
Как он хорош, наш мрачный Парадиз!

Поднявший тварь из жалкой горсти праха
Сочтет, по милости, наш выбор за каприз.
Бежит опять чумное племя крыс,
Носами длинными учуяв запах Краха.

Над нами бункеры, над нами грохот трасс,
Нас дразнит вонь гнилых цивилизаций,
Нам дарит Рок предгибельный экстаз.

Мы герильерос страшных трансформаций;
Мы раса новая. Грядем на смену рас,
Светясь из темноты токсином радиаций.

ГЕРИЛЬЕРОС ГНОЗИСА

Партизаны бетонных трущоб,
Мегаполиса хищные дети.
Знаем все: и бетонный озноб
И витрин замогильные клетки.

Мы питомцы промышленных зон,
Мы отвергли позорное счастье.
Пусть над нами навис небосклон
Окровавленным бредом ненастья.

Наша сперма – холодный неон,
Мы пульсируем в странном оргазме.
Мы богов полуювь, полусон,
Кундалини спираль в протоплазме.

Наши лица – оскалы химер,
Наши нимбы – токсин радиаций.
Мы грозим из далеких пещер
Беспощадной игрой провокаций.

БАЛОВНИ. СОНЕТ

Заклятья древние как приговор суровы.
Кинжалов холодна магическая сталь.
Вновь Кровью жертвенной мы окропим основы,
Причастных чаш, окрасивши хрусталь.

Значенья ведаем и различаем зовы,
Мы знаем все. Нам ничего не жаль.
Разбивши вдребезги последнюю скрижаль,
Дано явить нам Ужас Иеговы.

Мы снова здесь. Нас не обманет чувство,
Инстинкт, не ведомый для жалкого раба.
Мы чертим знак Великого Искусства.

Мы баловни Судьбы. Нас избрала Судьба.
Дано нам созерцать сквозь первозданность Льда
На трупе Бога танец Заратустры.

СТРАШНЫЕ ЧАШИ

В чашах бродит давно смертоносный токсин.
Для причастья готово суровое брашно.
Снова боги глядят с прозявших вершин
И мы ведаем то, как богам этим страшно.

Их субтильную плоть Древний Ужас томит,
Их не радуют впредь приношения наши.
В них от века скопилось так много обид,
Не для них уготованы страшные Чаши.

Только нам эта участь теперь суждена,
Только мы причащаемся ядом по праву.
Сии Чаши осушим до самого дна,
В ритуальный настой, притворяя отравы.

НАША ПЛОТЬ

Приготовьте вино из раздавленных наших сердец,
Из голов наших мертвых создайте прекрасные чаши.
Пусть Судьба разомкнет эту цепь из железных колец,
Мы скликаем на пир. Отзовитесь, противники наши.

В кубках вспенилась Кровь. Она быстро и славно пьянит.
Оцените на вкус эту роскошь божественной плоти.
Наша белая плоть... Как она аппетитна на вид!
Причаститесь же ей, и тогда вы вовек не умрете.

Ешьте больше, чтоб стать, хоть немного, подобными нам;
Чтоб смотреть вам с вершин. Чтобы стали вы смелы и строги.
Надо сделаться пищей всемогущим и светлым богам,
Чтоб вкушившие нас стали сами, как светлые боги.

КАРАУЛ БАФОМЕТА

Древний Змей закусил свой чешуйчатый хвост,
Чей-то Лик побледнел от нахлынувшей боли.
Только в чашу бы выдавить ягоды звезд
И прочесть, не спеша, заклинаний пароли.

Демиург ты уснул... Ты совсем одряхлел в небесах...
Тебя попросту нет... Ты совсем растворился в маразме...
Только я распознал, что лежит на вселенских весах,
Искривляя уста в богохульно-прекрасном сарказме.

Вот и все. Ветер свечи, играя, задул
И в осколках зеркал разлетелась дурная примета.
Расходиться пора, ведь смертельно устал караул,
Тот, что бдел, охраняя последний приют Бафомета.

БАБАЛОН

Посмотри, дорогая, реальность сейчас на ущербе,
Как стареющий месяц, взошедший над миром безлюдий.
Демиурга восставшие ангелы все-таки свергли,
Расстреляв его хмурый дворец из подствольных орудий.

Мы едины теперь, отдаваясь преступному ритму.
Мы еще на земле не признали банальность закона.
Помнишь, ты в сумочке прятала острую бритву,
Заложив ее лезвием главы Потреамона.

Ты Лилит, Бабалон, ты преступная шлюха экстаза,
Инфернальный Грааль, что на круглом столе Люцибела.
Не пугает нас больше прищур близорукого глаза,
Созерцающий бред мировой в треугольник прицела.

Кровью жертв талисман освящу я на лунном ущербе,
Чтобы им украшать в час любви твои детские груди.
Демиурга восставшие ангелы все-таки свергли,
Расстреляв его хмурый дворец из подствольных орудий.

МИГЕЛЬ СЕРРАНО. СОНЕТ

Внимаем вновь живым раскатам Баха,
И ждем с небес железного дождя.
Чего страшились вы, мы сохраним любя,
Оставив вам всего лишь чувство страха.

Восстала наша Кровь из пут небытия,
Восстал наш Вождь из тлеющего праха.
Над сумраком эпох и пропастями краха,
Простерт штандарт грядущего Вождя.

Мы слышим музыку. Она коснулась слуха.
Она звучит. И только небо глухо.
Забылся сном там дряхлый Демиург.

Он явно слеп и явно туг на ухо.
Не знает он еще, что Вевельсбург
Возвысился опять сплошной твердыней Духа

ВОЯЖ ОРФЕЯ. СОНЕТ

Ты следуешь за мной неслышными шагами,
Но только для меня, ты знаешь, выход есть.
Лишь своды тьмы раскинулись над нами,
Но музыкой звучит иная Благовесть.

Инферно – этот мир. Реальности здесь несть.
Он весь пульсирует как будто миражами.
Но ты идешь, что б снова мы стяжали
Плод этой Верности, которой имя Честь.

Я оглянусь. Иного быть не может.
Я оглянусь. Что б ты исчезла вновь.
И пусть Судьба стократно боль умножит.

Предназначение есть по имени Любовь.
И за него, мы ведаем, что строже
С нас спросит Бог, – Который Дух и Кровь.

НОЧНОЙ СПАСИТЕЛЬ

Уплотнение сумерков цвета чернил
Как родной ареал для ночного питомца.
В-Силах-Спас, даже если здесь кто-то без сил;
Он грядет все равно словно Черное Солнце.

Он покинул гробницу по имени Юг.
Он на Север грядет, на Фавор трансформаций.
Тлеет Запад в стерильной иллюзии мук
И Восток застывает в плену медитаций.

Окрести нас, Спаситель, кислотным дождем;
Раствори нашу плоть до структур протоплазмы.
Мы по зеркалу вод за тобою грядем,
Что б сложить свои руки крестообразно.

ЧЕФАЛУ. СОНЕТ

Отныне делай все. Желание – Закон.
Богини новые в садах срывают розы.
С их губ израненных глухой срывает стон
Томительный восторг эрато-коматозы.

В топазе дымчатом вновь ожил Хоранзон,
Оскалил пасть... Звучат его угрозы...
В Грааль мистический струит свои наркозы
Голубок закланых окровавленный сон.

Глаза закрой. Отдайся медитаций
Божественной игре. Не доброй и не злой.
Лишь грохот волн и аромат акаций.

Я это Он – Небесный и Земной;
Создавший все в горниле трансформаций...
В Чефалу волны бьют. Я слышу их прибой.

СЛОВО ЗАКОНА

Твори, что хочешь – вот Закон.
С него начнется наш Эон.

Цветеньем роз, томленьем тел,
Святой отметим беспредел.

Предела нет, тому, кто свят.
Вином соделает он яд.

Предела нет, тому, кто стал,
Своею плотью как кристалл.

Предела нет, кто сораспят,
Тому, Кто снизошел во ад.

Твори, что хочешь. Весть проста.
Сжигай лобзаннями уста.

Твори, что хочешь. Вновь дано
Нам для мистерии вино.

Твори, что хочешь. Так и знай:
Тех, кто мешает, убивай.

Так алтарем себя готовь,
И помни: Твой Закон – Любовь.

КРЕСТОНОСЕЦ ОЛЕНЬ

Это реет опять Босеан,
Это бледные губы пророчат.
Слава Боже, Тебе, но не нам,
В лабиринтах готической ночи.

Приближаются вновь холода,
Будет снег как Причастное брашно.
Праотцев зеленеет Звезда
Над фронтоном чернеющих башен.

Эсмиральда... Зеленый смарагд,
Ты в Грааль обращенное йони.
Кто-то там попадает не в такт,
Гвозди, вновь загоняя в ладони.

Страшно, страшно Красивый Филипп,
Даже все повидавшим химерам.
Видишь, белый олень, среди лип...
На рогах его крест тамплиера.

МАГИСТР

Сердцам не запретишь вести реестр систл,
И пальцам находить сокровища в золе.
Стучит в сердца, нам пепел твой, Магистр.
Мы крестим Ужасом во имя де Моле.

Никто не погибал. Уйдя по доброй воле,
Мы в королевстве Выгнутых Зеркал.
Теперь наш Босеан зовется Знамя Крови,
А наша плоть – магический кристалл.

Все повторяется. Вновь сага нашей стали.
Бензин бессмертия и брак наш на золе...
Внимание... Звонок под сводом канцелярии...
- Кто говорит?
- Магистр де Моле...

КАТАР. СОНЕТ

Сожги мне горло, красная тинктура.
Сведи мне скулы, горечью микстур.
Как древних чертежей запретная фигура
Восстанет из руин священный Монсегюр.

Я вдовый сын и верный трубадур
Своей избранницы по имени Endura.
Я знаю, как в огне меняется натура,
Идя из плена жутких креатур.

Вглядись в меня, в мои черты немея.
Я сохранил все то, что некогда познал,
Повиснув на Кресте причудливостью Змея.

Я вижу в глубине чернеющих зеркал
С пурпурной Розой венчана Лилея,
Как знак того, что я не умирал.